

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Арпентьева Мариям Равильевна,

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского
(г. Калуга, Россия)

В статье рассматриваются вопросы справедливости как вопросы формирования, соотношения и деформации правового и нравственного пространств, обозначающие основные пробелы правового регулирования и пра-

воприменительной практики в области осуществления прав и свобод человека и гражданина.

Правовое пространство – один из компонентов социального пространства, в котором с помощью норм права устанавливается и поддерживается стабильность в обществе, правопорядок и законность. Нравственное или моральное пространство – еще один компонент социального пространства, в котором с помощью норм морали, укорененных в религиозных доктринах разных типов, принадлежащим разным народам, устанавливается и поддерживается стабильность в обществе, ценности жизни и гармония. В становлении и развитии правового государства, по мнению юристов, ведущее значение имеет укрепление законности и правопорядка, предполагающее безусловное подчинение его субъектов правовому закону: верховенство правового закона во всех сферах жизни общества. Однако, справедливость и право в целом основаны на нравственных нормах и, без них, практически невозможно. Правовое пространство, имея в основе такие критерии как свобода, равенство, справедливость, объективно должно определять устойчивость и стабильность социальных отношений. Но в реальности, при отсутствии нравственной основы, правовое пространство многих цивилизованных стран опирается на полностью оторванный от этих критериев «закон». Перечисленные выше и иные гуманистические ориентиры правового пространства предполагают, что человек, общество и государство развивают в себе способность и потребность к уважению права как необходимого регулятора общественной жизни, к уважению своих и чужих прав и свобод. Однако помимо прав, человек и общество, а также государство нуждаются в уважении обязанностей людей и групп по отношению к себе и друг к другу. Кроме того, и права, и обязанности должны быть основаны на нравственных принципах. Еще Ш. Монтескье назвал обязанности высшей добродетелью, присущей демократии. А добродетель он определил как «любовь к законам и отечеству, требующую постоянного предпочтения общего блага личности» [3]. Другой модус защиты – модус защиты достоинства и чести, то есть нравственных принципов жизни, – реализуется в весьма небольшом количестве стран. Что касается деления справедливости и иных регулирующих принципов жизни на правовые и нравственные, то в истории человечества люди вполне обходились без норм правовых, если были нормы нравственные. Не удивительно, что «юристы и до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права», и «у большинства юристов полностью отсутствует подлинное понимание их метода» [1; 9, s. 310]. Этики и моралисты современности также до сих пор «ищут» дефиниции морали и нравственности, пытаются соотнести ее с религиозными доктринами, обслуживающими интересы доминирующих классов, забывая, что сами эти интересы чаще всего никоим образом с моралью и нравственностью не связаны. На фоне всеобщей десакрализации и аномии, результатов этого бесправия масс, все четче прорастают протесты тех, кто, опираясь на нравственные императивы, отстаивает самих себя и жизнь, внося вклад в формирование концепции «морального права», то есть права, опирающегося на моральные ценности, реализующего их в повседневности. Важно то, что с самого начала право имели и собственные источники, со справедливостью никак не связанные [7; 10; 12]. Многие постулаты современного права изначально внутренне отрицают вытекающий из догмата спра-

ведливости императив И. Канта, согласно которому свободное волеизъявление одного лица не должно противоречить свободе других. Справедливость – это феномен, связанный с такими установками жизни человека, как «принцип бумеранга» и/или отмщения и основными духовно-нравственными законами жизни: законами воздаяния (ответственности, отмщения, зарабатывания) и законами милости (прощения, благословений, дарения). Однако, десакрализация привела к забвению этих законов, включая их «технологические» параметры, например большой «цикл Сатурна» 29/29 лет и малые «кризисы» 7,5 лет. Сейчас понятие справедливости дискутируется многими гуманитарными науками, каждой по-своему. Так, в середине XX века в психологии описана вера в справедливый мир. Она выступает как одна из базовых, но весьма далеких от истины иллюзий или облегчающих понимание мира «эвристик» [7; 10; 12]. В целом, несмотря на декларации презумпции невиновности и защиты жертв тех или иных преступлений, вся повседневная жизнь и особенно вся юстиция выстроены по принципу презумпции виновности, преследования жертв, а также направлена на легитимизацию несправедливости [2; 4; 11]. То, что не вмещается в идею «веры в справедливый мир» и нарушает интересы правоохранительной и правозащитной бюрократии, – систематически отсекается [6; 7; 10; 12]. Например, игнорируется индивидуальность ситуаций [2]. Поэтому, что касается арбитражного произвола, «Проблема не в том, как это могло случиться. Проблема скорее в том, почему это не случилось чаще, а также когда, где и как это произойдет в следующий раз» [2]. Обычно «разумный» законодатель снимает с себя обязательства, переводя их в «услуги», торгуя законом [9; 12]. В этих условиях как никогда актуальна обязанность человека защищаться связана и с тем, что каждый отвечает перед обществом [8; 9]. В рамках правового измерения справедливость – функция относительного соответствия законам, установленным государством, защищающим интересы правящего класса и/или свои собственные интересы. Справедливость этого типа предполагает лишение человека его прав и обязанностей, десоциализацию, изъятие из общества с целью лишения достоинства и чести. В рамках духовно-нравственного и, в частности, религиозного измерения справедливость – функция соответствия нравственным законам, принятым человечеством для защиты чести и достоинства человеческой жизни, защиты прав и обязанностей человека перед собой и обществом.

Литература

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
2. Кристи, Н. Приемлемое количество преступлений / Н. Кристи. — Варшава: Польское общество правового образования, 2004. – 182 с. – С. 83-84.
3. Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.
4. Мухина, В.С. Пожизненно заключенные / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2002–2009. – 187 с.
5. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. – М.: НОРМА, 2003. – 652 с.
6. Fuko, M. L' oeil du pouvoir / M. Fuko // Bentham J. Le Panoptique. – Paris: Belfond, 1977. – P. 9–31.
7. Furnham, A. Just world beliefs / A. Furnham // European Journal of Social Psychology. – 1985. – V. 15. – P. 363–366.
8. Ihering von R.R. Der Kampf ums Recht / R.R. Ihering von. – Wien: Vortrag, 1872.
9. Ihering von R.R. Yeiat des tomischen Rechts/ R.R. Ihering von. – Berlin, 1881. – Bd. 11. – S. 310.

10. Lerner, M. J. The belief in a just world / M. J. Lerner. – New York: Plenum, 1980. – 340p.
11. Milgram, S. Obedience to authority / S. Milgram. – New York: Harper & Row, 1974. – P. 56-58.
12. Philipchalk, R.P. Invitation to social psychology / R.P. Philipchalk. – New York: Harcourt Brace College, 1995. – 566 p.